

18+

ЛАРИСА СУВОРИНА (БУЗЫКАЕВА)

СО СТЕНЫ

Лариса Суворина (Бузыкаева)

Со стены

«Издательские решения»

Суворина (Бузыкаева) Л.

Со стены / Л. Суворина (Бузыкаева) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-646682-1

Книга создана из текстовых и стихотворных материалов, опубликованных мною на стене социальной сети в течение нескольких лет. И еще она — дань уважения и памяти гениального музыканта, кумира моего детства, Майкла Джексона

ISBN 978-5-00-646682-1

© Суворина (Бузыкаева) Л.
© Издательские решения

Содержание

Я верю в тебя	6
Я верю в тебя	6
Мои многоликие Музы	7
Ты чувствуешь?	9
Как Он и Она расставались	10
Я разрешаю	11
Птицы дивные мои	13
Руки мои	15
Моя жизнь	17
То, что останется после	18
То, что останется после	18
Почему я не пион?	19
Серебристая скромница	20
Варваркин лес	21
Реки не знают своих имён	22
Соблазнение музыкой	24
Соблазнение музыкой	24
Адажио	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Со стены

Лариса Суворина (Бузыкаева)

© Лариса Суворина (Бузыкаева), 2024

ISBN 978-5-0064-6682-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я верю в тебя

Я верю в тебя

Сегодня я хочу сказать тебе именно это. Потому что за всю твою немаленькую жизнь этих слов не говорил никто. В трудных ситуациях подбадривали по-другому. Говорили равнодушно-аморфное «всё будет хорошо».

А что «всё»? И когда ещё будет, если выть хочется сейчас и именно сейчас жизнь заканчивается? И что значит «хорошо»? Для кого?

Не было определённости в словах. Не было протянутой руки...

А я просто в тебя верю. Я знаю, что ты сможешь встать. Стряхнуть с себя паралич страха и липкость отчаяния. Ты сможешь принять решение и начать действовать, не веря себе. И пойдёшь по интуитивно верной тропинке с завязанными глазами и путами на ногах. Будет трудно. Сколько. Но ты дойдёшь. Моя вера тебя поддержит.

Я знаю, что ты можешь многое. Гораздо больше, чем сама предполагаешь. Ты, себе не веря, соберёшь дивный узор мозаики из всего, что дорого и мило душе. Удивлённо вскинешь бровь, разглядывая его при свете солнца. Можешь не до конца верить, что сие творение – дело твоих рук, но я-то знаю, кто автор. Это ты.

Я верю в тебя, дорогая моя. Твой путь не был бы таким извилистым и непростым, если бы не это твёрдое убеждение. Вспомни, сколько раз ты выныривала из житейских пучин. Начинала сначала. Пробовала заново. Как было трудно и страшно, как было больно... Тебя вела за руку надежда, маленькая и робкая. Но освещала дорогу моя вера.

У тебя есть всё.

Только веры в себя не хватает.

Так возьми же её, на!

Стань лучше, сильнее, ярче.

С самыми искренними пожеланиями – я, любящее тебя Сердце.

Мои многоликие Музы

Признаюсь, я – человек творческий. Местами – даже чересчур. Не скажу, что это мешает. Мне – нет, привыкла. А вот окружающих временами удивляю. Удивляла и буду удивлять. Ибо из такого теста слеплена, и... мне моя креативность нравится.

Сегодня говорим про муз и время их появления в радиусе моей видимости. Однозначно, чем ночнее, тем для них лучше. Обычно мне редко хочется спать вечером. Вот к утру... очень хочется. Эту совиную особенность мои муз и просекли. И летают. Целыми стаями. Или поодиночке.

Камень вдохновения они могут лупануть в меня когда угодно. Часто – по дороге на работу. Или во время написания сценария на работе.

Именно поэтому на рабочем столе у меня заготовлена кипа бумажек и карандаш всегда отточен, а в телефоне заметки почти на самом видном месте, рядом с иконкой «контакты».

Музовая стая разношёрстна и неодинаковой весовой категории. Но каждый клюв и клювик её мне дорог и уже узнаваем по царапанию в оконное стекло.

Вот самый маленький. Клювик только начал костенеть, вместо перьев у совёнка пушок, и вообще он – просто Бэмби. Верит, мечтает, фантазирует и просит обниматься. Мы с ним пишем стихи и сказки деткам. Я его люблю, как собственную мягкую игрушку с доверчивыми жёлтыми глазками.

Следом присаживается на подоконник совушка постарше. Робка, неказиста и неуверенна. Взгляд пронзителен и быстр. Ой, какая она мечтательница!.. Напридумывала в снах героев и корсаков, любовь с первого взгляда, да пламенные вздохи при луне. А мне сиди и рифмуй эту розовую романтику, увивай ленточными шелками строки романсов и баллад... Было дело, было, каюсь.

А вот и расплата... Царапает кровавыми когтями подоконник, теряет вырванные перья из крыл, ни звука не издаёт крепко сжатым клювом. Просто смотрит в меня. В самое сердце. И я пишу.

Про её растерзанную любовь, про растоптанную душу. Про вечное небо без солнца и столетнее одиночество.

Её глаза цвета чёрного неба отражаются в моих. Это отражение потихоньку затягивает раны, пробивает новое оперенье и высветляет мысли. Но медленно, как же медленно чёрная ночь облекается в ясный день!..

И вот – извольте!.. Последняя из стаи. Наглая и дерзкая, смелая, яркая. Кажется, это не она стучится в окно, а оно само распахивается перед ней. Широко и подобострастно.

...Мне не показалось?

У этой лихой дамочки рожки на голове? Очень даже может быть... Чертовка любит меня смущать. Соблазнять и прельщать. Искушать, дразнить. Насмехаться над трусостью и неопределенностью. Такая быстро научит жить. Её рифмы кратки и резки. Сравнения доходчивы и узнаваемы. Она бьёт наотмашь по старым ранам, но не берedit их, а только рубцует. Теперь – не больно.

Теперь – не заплачу. Засмеюсь!

Всё, ребята мои пернатые. Пора вам. Пора и мне. Закрываю, отключаю, укладываюсь. Да-да, будильник, будильник не забыть! Мой утренний спаситель, проводник в наступивший день! Мне без тебя никак. Я не люблю, когда меня будят. Предпочитаю будить себя сама. Вкрадчиво и негромко. Своей же собственной песней. Именно она – музыка моей утренней муз. Давайте и вас разбужу!

А пока – добрых снов вам, люди!

2 июля 2021

Ты чувствуешь?

Чувствуешь дыхание внутреннего океана – взволнованного, мутно-зелёного? Узнаёшь его запах, едва уловимый, но не покидающий тебя уже долгое время?

Так пахнет подогретое на жизненной спиртовке напряжение.

Молчаливо проглоченное несогласие, которое привычно обожгло лёгкие. Обида сталак-титными солёными иглами изранила уставшее сердце.

Боль... Безжалостная сытая тварь. Акула, вольготно чувствующая себя внутри тебя. Каждый раз она откусывает кусочек и, довольная, удаляется во тьму. Иногда жрёт много, жадно, хищно.

Тогда ты можешь только лежать, зажмурившись на мокрой от слёз подушке, и заткнуть уши. Иногда – осторожно дышать. Ждать, когда она отпустит.

Потом можно заново учиться слышать и видеть. Ведь глаза после долгих слёз созерцают иначе, а уши, поверившие сказанному в сердцах, начинают воспринимать совсем другие частоты.

Этот океан поглощает тебя. Ты тонешь.

Наступает миг, когда приходится отчаянно и обречённо падать в пасть проголодавшейся боли.

Но...

Она никогда не сжирает тебя до конца. Всякий раз эта акула что-то оставляет. Или часть твоего глаза, способного разглядеть сквозь мутную толщу вечный солнечный свет. Или кусочек сердца, всё ещё желающего верить и любить. Или руку, слабую руку, которая помнит прикосновения к родному и тёплому. Или даже мысль. Да, короткую мысль, которая испуганной чайкой бьётся в черепной коробке.

Акуле мысли не нужны, она ими не насытится.

А ты, покуда жива хотя бы частично, будешь ими спасаться.

Глядишь, и наступит новый спокойный день. Солнечный, добрый. Исчезнет боль, утихнет океан... Ты снова начнёшь жить, полной грудью вдыхая радость, ощущая свою силу и любовь.

Ты только обязательно дождись этого дня.

Он наступит.

И наступит совсем скоро.

Как Он и Она расставались

Они сидели, прижавшись друг к другу спинами на берегу безмолвной речушки. Песок под их ногами виновато что-то шептал, а прогуливающийся ветер легонько шевелил волосы.

Сидели так скорее, по привычке, чем по ситуации. Ибо она, эта ситуация, должна была разметать их по разным уголкам Вселенной.

Он и Она расставались. Так будет лучше для всех. Лучше и легче. Ах, если б восхитительная птица их любви умчалась искать лучшей доли!.. Но нет, она лежала около его ног безжизненной птахой. Умерла.

Он и Она вели меж собой молчаливый диалог. Пальцы нервно растирали в пыль речной песок.

Дыхание обоих было прерывистым и поверхностным, как у неопытных пловцов. Дрожь электрическими импульсами выбивала синкопы на ее хрупких плечах.

Глубоко вздохнув, девушка начала разговор, но создалось ощущение, что говорили они давно, но вот звук включили только сейчас.

– Наверное, все к этому и шло, – ее голос звучал глухо. – Сам знаешь, разбитую чашку не склеишь. Давай жить новую жизнь. Раз уж так вышло...

Он отстранился от ее спины, молчаливо сжал кулаки. Ни одна песчинка не выпала из сомкнутых пальцев. Ни пол звука не было произнесено в ответ.

Она тяжело встала, положила руки ему на плечи. Вдохнула запах когда-то родной макушки.

– Знаешь, ты когда-то впустил меня в маленькую комнату своей души. И я благодарна тебе за это доверие. А сейчас, видимо, настала пора освободить ее. Возвращаю ключ.

Девушка коснулась губами темечка молчуна, повернулась и тихо пошла прочь.

А наутро в ее дневнике родился новый стих:

Не люблю. Потому что не любишь...
...А не любишь меня почему?
Почему так давно не целуешь

и бежишь от меня во тьму?
Расскажи – я тебе постыла?
По секрету скажи: ты устал?
Как любимая стала немилой
расскажи мне! Не рассказал...
Суетливо молчал и прятал
руки за спину, глаза – в землю.

Торопливо бежал по горячей дороге,
скрывался за дверью.
Не люблю. Потому что не любишь.
Разлюбил. Обознался. Пропал...
Значит, другом по жизни мне будешь.
Ты и так им почти уже стал.

Я разрешаю

Когда-нибудь этот момент наступит. И, может, даже не единожды. Потому что он прекрасен в своей свободе, лёгкости и силе. В один долгожданный момент в голове прозвучит уверенное: «Я разрешаю!»

Себе, окружению, жизни. Обстоятельствам.

Разрешаю – всё.

Разрешаю – всем.

Потому что – МОЖНО.

Понимаете?

Частенько жизненные затыки происходят от этих запертых в нас самих дверей. Причём, заперли их мы сами. И ключик выкинули.

– Ой, нельзя, это ж коротко, выше колена, а мне уже почти сорок.

– Ой, какая шуба?! У меня ребёнок второй год в валенках ходит.

– Да что ты, какой букетище? Он же целое состояние стоит.

– Посмотри на себя, дура. Два неудачных брака за спиной и опять туда же – глазки мужикам строить.

Дорожные ограничители превратили широкий жизненный проспект в узкую замызанную острыми камнями тропу. Идёшь по ней и в кровь ноги ранишь.

Конечно, и идти по ней страшно. Любое движение чревато последствиями. Особенно, если оно против течения или толпы.

Но ведь идёшь же... Набивая шишки, поскользываясь на чьих-то плевках. Затыкая уши и зажмуриваясь от мнений, суждений и монологов. Быстрее бы проشمыгнуть...

А когда в голове взрывается неожиданное «Я разрешаю», жизнь превращается в калейдоскоп с притёртыми друг к другу стекляшками и вечным солнечным светом. И наступает счастье...

– Разрешаю себе устать. И отдохнуть.

– Разрешаю себе не выворачиваться наизнанку ради окружения, а быть собой. Делайте выводы, господа...

– Разрешаю миру принимать меня без претензий. И я сама принимаю его таким, какой он есть. И любому варианту разрешаю случиться.

– Разрешаю влюбляться. Почему нет?

– Разрешаю включаться в творчество, даже если итог наивен и смешон... Ты кайфуешь от процесса? Кайфуй, разрешаю!

– Разрешаю себе съесть вот эти осенние последние яблочки. Да, прям с ветки, невымытые, уцелованные дождями и потисканные ветрами.

А как иначе ты почувствуешь на зубах осенний холодок, пробирающий до самых косточек? Как уловишь перемену вкуса от пряно-сладкого до коричнево-горчичного?

А эти нежные красные нити-прожилки, прошивающие каждое яблочко, как ты их увидишь? Ешь. Жмурься от удовольствия. Прямо тут, рядом с выкопанной картошкой и неубранными лопатами. Лови момент...

Скинь свои шоры. Осознай собственное отражение в зеркале. Не хочешь ему улыбаться – ладно, воздержись. Но и ненавистью его не забрасывай. Разреши себе быть неидеальной. Пойми – так МОЖНО.

17 сентября 2021

Птицы дивные мои

– Ну здравствуйте, красавицы! Как я по вам соскучилась. Так к вам привыкла, что и замечать перестала. Бывает же такое: важное и необходимое замечать забываешь. А потом, когда неожиданно потеряешь, так спохватишься и загорюешься.

Это я с птицами своими беседу веду. Фантастическими и волшебными птицами.

Слава небесам, у меня хватило ума не запирать крылатых в неволю. Птицы так живут, на деревьях и кустарниках, в лесах и по лугам. Знают, что мои. Захотят – прилетят, пощечечут, позволят погладить себя, похвалятся опереньем. Не захотят – улетят. Надолго. Бывало такое. Как узнают, что горюю по ним – возвращаются. Мои же. Нам друг без друга – никак...

Вот она, первая крылатая. Птица Феникс. С огненным хвостом, гибкими сильными крыльями, изящным клювом и острым взглядом, прожигающим насквозь. Она меня из таких болот вытаскивала. Я тонула в мутной Неве, плутала в каменных джунглях, по тонким мосточкам над пропастью бродила. Все себя искала...

А помощница моя меня находила, горела вместе со мной. А потом возрождаться учила. Жить, поднимать глаза к небу, чувствовать запах травы. Помогала расти, мудреть, смелеть и иметь право на свободную жизнь, исключительно мою. Я всем обязана этой птице! Милая щебетунья, ты у меня лучшая!

Вторая красавица – лебедушка белая. Именно она отогревает и заботится о моих родных. Рассказывает, какие они у меня добрые, верные, терпеливые, родные. Да мне и доказывать теперь не надо, я твёрдо знаю, что у меня есть горсточка любящих людей, для которых я важна и значима.

А ещё друзья есть. Хоть и далекие... Подумать только: в рождественскую ночь случился мне интернетный привет от подруги с другого конца России-матушки. С которой мы со школьной скамьи трепетно дружили, а потом наши тропки разошлись и потерялись.

Я уж и не верила во встречу, а птица моя дивная её разыскала, адресок мой подсунула и минуточку нашла – пиши, мол, давай, время-то самое подходящее! Вот так чудеса в жизни и случаются. Благодаря лебёдушке открываются навстречу сердца людские, а незнакомые становятся знакомыми и родными душой.

И как от этого тепло!.. И сердцу мягко, будто лебедь крылом обнимает. Спасибо, милая, ты у меня лучшая!

А уж третья моя красавица невиданна! Жарким цветом оперенье светится, корона огнём блистает, глаза – алмазами! Это моя Жар-птица, строптивая, крылатая...

Именно она не дает мне ночами спать, усаживает за стол, подталкивает белый лист и тонко отточенный карандаш. Она рифмой меня мучает, мыслью пронзает, откровениями покоя лишает. Вот из-за этой крылатой я чаще всего и плачу. Потому что пронзает она меня в самое сердце...

И я пишу. Переписываю, зачеркиваю. Или без помарок, с первого раза и до конца, летяще и стремительно. А как Жар-птица оперенье расправит, так у меня дыхание перехватывает от великолепия такого! И цвета-пёрышки подобраны верно, и размер гармоничен. Красота, богатство...

А крылатая только хитро щурится да и насвистывает: «Ты не мне удивляешься... ты сейчас себе дивишься. Потому как я – это ведь ты...»

Спасибо, красота ты моя сердечная, ты лучшая для меня!..

Будьте со мной, птицы мои верные!

Не покиньте, не оставьте...

Мне тепло с вами в любую непогоду.

Я любую бурю с вами выдюжу.

Руки мои

Смотрю на вас, будто никогда не видела раньше. Как на соседей смотрю, с которыми прожила рядом десять лет, а отчества их так и не удосужилась узнать.

Я на вас, руки, совсем внимания не обращаю.

Есть и есть.

Как у всех.

А сегодня решила взглядеться.

Некрасивые. Неухоженные. Уже стареющие мои руки...

Что вы помните, а?

Самые крепкие руки на свете – руки папы.

Им всё было под силу – даже тяжёлые чемоданы, на которые и смотреть страшно. Папины руки перемещали любые грузы в нужное место с лёгкостью.

Самые нежные и всё умеющие – руки мамы. Могущие приласкать, успокоить, усмирить слёзы, сшить, связать, нарисовать, сказочно оформить.

Дотрагивалась пальчиками до веночков и понимала, что руки моих родителей... какие-то волшебные.

А мои, мои руки...

Они помнят клавиши. И струны помнят, хоть и с трудом. А ещё они помнят, как когда-то танцевали-дирижировали. Ах!

Когда-то мои руки несмело касались и ласкали, крепко обнимали и останавливали жестом ладони. Они прикасались к тяжёлым портьерам театрального занавеса и к гладким поручням метро. К монолитным ограждениям кованых ворот и шершавым огородным заборчикам. Будоражили макушки сочных сытых луговых трав и согревали дрожащие стволы берёз.

Что вы умеете, руки?

Дёргать корни полыни, вспарывая пальцами рыхлые гряды. Бесконечно доставать, а потом убирать костюмы для нескончаемых праздников в детском доме. Вдохновенно щёлкать по клавиатуре ноутбука, рождая новые тексты. Теревить многострадальный карандаш над нетронутым листом толстой тетрадки, отыскивая во вселенной нужные мне рифмы и мысли.

Что помните?

Тепло, исходящее от питерских титанов. Остывающую безжизненность маленького моего умершего зверька. Жжение ладоней от громких и искренних аплодисментов. Поцелуи розовых шипов в подаренных мне букетах.

Руки мои, будьте сильными!

И спасибо вам за все умения и опыт.

8 марта 2023

Моя жизнь

Старинный таинственный замок.

Уставший фундамент, поросший мхом, цепко держится за почву, не дает зданию сползти по склону.

Величественную постройку любит ветер, играющий со стареньким флюгером. Любит прибрежная волна, целующая резные сапоги – ступени.

В чертогах замка, мой друг, много комнат...

Широкие парадные приглашают в роскошные залы с жаркими каминами.

Узенькие винтовые лестницы-серпантины ведут в уютные библиотеки, где на полках сотни книг – от старинных, редких до современных и известных.

Есть в замке уютные кухонные уголки, потайные местечки с персидскими коврами на полу, просторные мансарды с распахнутыми настеежь окнами...

И какой же старинный замок без страшных комнат?.. В мрачных подвалах сокрыты от людского взора пыточные с горящими факелами и осклизлыми стенами.

Казалось бы, ты не можешь существовать, такой непохожий на все другие замки и дома поблизости.

Но ты есть. Вопреки всему привычному.

И ты – мой.

То, что останется после

То, что останется после

Меня всегда охватывает грусть, когда смотрю я на закаты.
Будь они кроваво – зловещи, ослепительно – чисты или объаты хмурыми тучами.
Грустно...
Оттого, что еще один день прожит. Его не повторить, не переписать.
А порой так хотелось бы.
Оттого, что люди не всматриваются в небо уставшим вечером.
И это вселенское великолепие, совершенно бесплатное, мало кто видит.
Грущу и досаую, что многое уже не успею познать и довести до ума. Почему я раньше не осознала это?
Закат подобен смерти.
Уходящего дня.
Надежд.
Любви.
Он остужает и замораживает видимую жизнь, вывешивая ночное покрывало небес.
И я не знаю, выживет ли отвергнутая любовь? Расправит ли крылья растоптанная надежда?
Силюсь что-то разглядеть в оконной тьме и осколках закатного марева, да куда там...
Только утро подарит ясность.
И я увижу новый день. Еще один. Он несет радости, дела, заботы, встречи и сюрпризы.
Обновленную любовь и яснооую надежду.
А в конце его, как подарок за труды и усердие – еще один фантастический закат.

Почему я не пион?

Правда...

В этом году наблюдаю за своим кустом внимательно, вижу все его жизненные стадии... Раньше я не видела и половины.

Поначалу крепкая изумрудная листва налилась тяжёлыми бутонами. Долго думала, дарить ли миру спрятанную красоту. Потом решила, осмелела, вздохнула и рискнула выплестись одним цветком. Потом ещё и ещё...

Прихожу вечером на огород, а тут – море благоухающее! Аж дух захватило от такого великолепия.

Удивительный цветок. Люблю его. Куда ему до изящества и завершённости форм розовых бутонов и соцветий! Та королева, но держись от неё на расстоянии: уколёт.

А пиончики, растрёпанные розоволоски, с градуированной на макушке стрижкой, неровными прядками-лепестками так и зовут-пьянят: иди ко мне, смотри, какой я сегодня... обними, поцелуй, заройся лицом в моё облако.

И я иду. От таких предложений не отказываются, слишком редко они бывают...

Смелые цветы. Не боятся показать свою жёлтую макушечку, спрятанную в самых недрах.

Раскрываются.

Делятся собой.

И уходят всегда достойно.

Нет поникших бутонов, печально опустивших головки, несвежих мятых лепестков, скрученных и некрасивых.

Пион сбрасывает свой наряд, избавляется от ненужного, отрадовавшегося.

Раз – и нет его. Только воспоминания остались. И лепестковый ковёр на земле... Ковёр нежности, просто упавший к ногам своей хозяйки.

У меня будет много пионов. Достойные и добрые цветы... Спасибо вам за нынешнее розовое волшебство. Я его надолго запомню. Вашу нежность, оказавшуюся в моей ладони, доверчиво на ней расположившуюся. Милость лепестков, их детскую наивность.

Раскрывшиеся бутоны, в которые хочется ото всех спрятаться, вдыхая аромат и наслаждаясь их красотой... Наверное, такие цветы обязательно есть в раю.

Вы – мои фавориты.

Отныне и навсегда.

20 июня 2021

Серебристая скромница

Представьте, мне назначили свидание!
Как стемнеет, в гаражных зарослях, лицом к лесу!
Чувствую себя пятнадцатилетней неоперённой птахой с выпрыгивающим от волнения сердцем...
И бегу – пора же!
Путаюсь в сумеречной траве. Чувствую себя Гулливершей, боюсь нарушить насекомовский покой, ступаю вкрадчиво.
Вот и ты...
– Здравствуй, Солнце! Спасибо за яркий день, за приглашение. Хочешь, чтобы я спела тебе колыбельную?
– Здравствуй, птаха. Хочу, чтобы вы, наконец, встретились. Присмотрись...
На арене звездного простора страшно.
Но Луна, робкая, маленькая и несмелая звездочка, вышла из облачных кулис. Наступило ее время. Будем мечтать, тянуться друг к другу руками-лучами и петь, петь, вдохновенно и свободно!
Мой неспетый ни одной душе блюз улетал в магическую высь.
Освобождалась от скорлупки жемчужная тоска, рассеивалась звездной пылью грусть.
Спасибо, Солнце...

Как всегда, одна
на небе Луна
светит мне звездой путеводною.
Ночью не до сна,
утром – не видна,
бедная душа неугомная
Луны...

Варваркин лес

Они пристально всматривались друг в друга.

Вечереющее усталое небо с трудом выхватывало своими бликами их взгляды: напряженно-любопытный маленькой деревенской девчонки и тяжелый и сильный того, кто был напротив. ЛЕСА!

Варварка, позабытый мамкой последыш, оставленный на зимовку у старого деда, сидела босоногим птенцом на лавке у подзапотевшего оконца. Девчонке страсть как хотелось на улицу.

А дед, молчун-отшельник, ушел с утра за провизией. Путь его был не близок, да и не лёгкий, но возвратиться обещал до тёмной ночи.

Варварке наказал наготовить щей, поставить томиться кашу с молочком да напечь хлебов. Все было сделано, но выпрыгнуть в желанную волю все равно нельзя: дед, перед тем как крепко припереть снаружи дверь в избу, припрятал её одежду, оставив длинноногую девку в рубахе. Чай, в исподнем не сбежит.

Деваться ей было некуда, вот и любовалась девчонка лесом, бесцеремонно глазееющим в её окна.

Он был хорош.

Великаны-деревья просторно расположились в лесных объятиях, каждому хватало места. Ветви вздымались так высоко, что казалось, хотели зацепиться за лучи красна солнышка.

Покоем и силой веяло от каждого неприкосновенного бугорка – хоть зимой, хоть летом. Сейчас, в пору суровой стужи, лес будто гудел, выдыхая свою песню. Еле слышно, едва заметно.

«Корнями поёт батюшка!» – приговаривал дед Варварке, прихлебывая мятный чаёк. И Варварка согласно кивала.

Лесные корни крепко проросли в шуструю девку. Она чувствовала лес, говорила с ним, внимала ему. Научилась охотиться лучше деда, знала все грибные и ягодные места живого исполина.

Вместе с лесом звенела хрустальным хохотом студёной зимой, тянулась нежными оттаявшими пролесками к солнышку в весеннюю пору, дивилась ярким лиственным нарядам щедрой осени, смыкала веки темными зимними вечерами, засыпая вместе с окоченевшими махинами.

– Дедуль, а ведь вся наша жизнь – это лес.

– Точно, Варварка. Жизнь человеческая схожа с лесом. У каждого из нас свои болота и чащи имеются. В душе или на сердце. Свои ясные, солнцем обихоженные полянки, на которых рвются смешные медвежата да лисята. Жизнь – это лес. Только у каждого он свой.

Реки не знают своих имён

Зачем они им?..

Имена, прозвища и клички нужны нам, людям. Чтобы как-то обозвать, прищипить табличку, обозначить границы. Чтобы наложить руку и попытаться управлять, командовать, менять.

На эти жалкие человеческие потуги реки ответят дружным, хохочущим журчанием.

Что им людские указы?

ТЬфу.

Реки свободны.

Безымянны.

Вольны.

Сильны.

Им неважно, кого убаюкивать на волнах: стайку форели или утопленника. Главное – течь.

Не имеет значения, чем будут усыпаны речные берега: облизанными водой камешками или гнилыми деревьями. Реки не очень-то смотрят по сторонам – их влечет движение.

Реки имеют полное право быть мелководными и опасодонными, неугомонными и дремлющими.

Они прекрасны нежным журчанием, дающим людям расслабление и освобождение от бешеного ритма жизни мегаполисов. Они страшны неуправляемой силой в сезон разлива. Хоть рекам и нет никакого дела до нас, но они с легкостью могут как продлить нам жизнь, так и пресечь ее...

Можно часами любоваться живой рекой. Она подвижна.

Неуловима.

Стремительна.

По-женски изящна, гибка.

По-мужски сильна и непреклонна.

Рекам неинтересно, как мы их зовем.

Они живут своим прозрачным устремлением: бурлят, журчат. Искрящееся существование доказывает страсть, желание увидеть неизведанное, познакомиться, насладиться им. И отправиться в дальнейшее странствие. Ах, что за чудесная у них жизнь – теки, радуйся, двигайся!

Не будем брать в расчет речных отступников с застоявшейся, вонючей илистой водой. Их мало.

Продолжай движение. Не останавливайся.

Будь рекой.

Будь собой.

Навеяно грегорией Рамона Гомеса де ла Серна.

30.04.2023

Соблазнение музыкой

Соблазнение музыкой

*(впечатления от «Либертанго» в исполнении Марио Стефано
Пьетродарки)*

Такое бывает...

Когда не слышишь, а видишь музыку.

Чувствуешь ее кончиками пальцев, пульсирующих на клавиатуре.

Отзываешься рождению главной темы произвольным смыканием глаз и нервным выдохом.

Не можешь усидеть на месте и соскакиваешь со стула в предфиналии.

Переживаешь мучение и наслаждение одновременно, с каждой новой фразой.

Как в жизни.

Как в сексе.

Не нужно видеть изгиб талии, завернутой в красный шелк.

И взгляд, устремленный в самое сердце, тоже не нужен.

Нет необходимости в том, что уже есть.

В полувздохах нежных скрипок.

В импровизации потерявших разум пальцев, рассказывающих клавишами историю страсти.

В контрапунктных секундах, таких отчаянных и манящих.

Зачем мне кто-то еще. У меня уже все есть.

Зачем мне слова, если есть музыка?

Зачем мне голос, если есть инструмент?

Зачем мне все богатства мира, если есть... ты?

Адажио

Adagio – (ит.) медленно

Медленно, но упрямо и безостановочно человек хочет быть кому-то нужным. И постоянно ищет родную душу. Как нежный росток стремится увидеть солнце и пробивается сквозь трещину в асфальте, так и душа человеческая ищет себе подобную. Потому что хочет быть понятой и приголубленной. Это ли не счастье – довериться и распахнуть сердце?

...И пусть приклеенная к лицу маска падет к ногам. А мне не стыдно пред тобой быть настоящей и совсем нагой! Именно так обнимаются души. Именно так рождается любовь.

Медленно, но настойчиво и неизбежно меняется жизнь двоих, нашедших друг друга. Значимость и важность существования друг в друге обретают сияние алмаза и затмевают дневной свет. Забота в обнимку с нежностью утоляют и голод, и жажду. Ничего не надо – будь рядом! И будь тем, кто меня принял, понял и полюбил.

Медленно, но неминуемо и цинично утихают всякие страсти. У кого-то они превращаются в монументальную и святую любовь, заметную как на земле, так и на небесах. У кого-то – остывают и становятся угольками позднего осеннего костра, которые не обжигают и не шипят во злобе. Чтут мудрость известной притчи царя Соломона о кольце и при необходимости готовы согреть друг друга.

А у кого-то былая любовь начинает скалиться фальшью и гадким притворством...

Медленно, но фатально и неминуемо это враньё проступает липким потом на загримированном лице. Как бы ни старался лицедей, обман будет замечен. И стрелой вонзится в сердце другого... Смертельно ранит, погонит к отчаянию. Ожесточит душу, надорвет криком горло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.